

Аношкучна умная

Евгения Хамуляк

16+

Евгения Ивановна Хамуляк

Аношкина умная

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64504051

SelfPub; 2021

Аннотация

Друзья! Перед вами рассказ "Аношкина умная" Евгении Хамуляк, написанный во время седьмого марафона сказок, где психологи, писатели и просто родители погрузились в противоречивую тему взаимоотношений с подростками, пытаясь найти решения в сложных жизненных ситуациях через художественные образы. В рассказах поднимаются такие темы как kleптомания, агрессия, полное неприятие со стороны подростков, непонимание, отчаяние, неверие со стороны родителей. И все же надежда есть. Особенно, когда родители находят свою родительскую силу в терпении и мудрости, и дети, как отражение, успокаиваются и исправляются, становясь детьми, а не теми, кто бессознательно указывает своим поведением родителям на их ошибки. Перед вами рассказ о сложном мальчишке Гришке, который был на грани того, что бы совершить роковую ошибку в своей жизни. Однако его мать, неумная женщина Виктория Аношкина, как говорили про нее, идет на рискованный шаг и обращается к участковому. Рассказ издан в книге "Сага о родителях подростков"

Евгения Хамуляк

Аношкина умная

А ведь во время первобытно-общинного строя не было проблем с подростками.

Аношкина Виктория была глупой женщиной. Причем она сама это знала, и когда ей про это говорили, не противоречила и не обижалась. Глупая, и все тут, что поделать.

В школе училась кое-как, хотя могла лучше. Еле-еле поступила в техникум, еле-еле его закончила. Об институтах речи не шло, умом не вышла, что называется. Отучилась на товароведа, короче, но пошла работать продавцом, потому что опыта не хватало. И так продавцом осталась на всю свою тридцатиоднолетнюю жизнь. Но не только учеба да работа в жизни были, еще много мужчин, иногда слишком много алкоголя и дешевого табака, слишком много необдуманных поступков и любимый сынок Гришка.

Гришка и в самом деле был очень любимым, единственным мужчиной, которого она ни на кого не могла променять, поэтому мужики не задерживались в ее доме. Хоть и была неумная, но красивая.

Однако любовь к единственному сыну приносила большую боль. И чем больше рос Гриша, тем сильнее и больнее было от его неумной жизни, пусть детской, подростковой пока что. Неумным рос Гришка, но это ладно, есть в

кого. Но как стукнуло ему восемь лет появились в нем какие-то остервенелость, бешенство и неуправляемость. Дальше больше: драки, воровство, хулиганство. И ведь в отличие от матери мог бы отличником быть: неглупый в плане учебы, память хорошая, прозорливость, терпение имел, если хотел. Но к тринадцати Гриша будто забыл, для чего школа нужна, и ходил туда исключительно за общением, весельем, хулиганством.

Аношкина поняла: если оставить как есть, дело дойдет до тюрьмы для малолетних. Курить и выпивать к этому возрасту стало обычным делом.

И понимала умом Аношкина, где собака зарыта – не хватает сыну мужской руки и ремня, примера хорошего не хватает. Да только где этот пример взять? Ну были мужики у нее, да все, как назло, «плохие парни» – наподобие самого Гришки, только во взрослом виде. Как-то пару раз просила разобраться с сыном двоюродного брата, жившего в другом городе. Специально вызывала его в особо тяжелых случаях. Брат был правильным, хорошим примером. Сын его слушался, боялся, уважал. Но не будешь же ты через раз вызывать женатого семейного человека? Родила шпану – сама разбейся, дура-мать.

И тут Аношкину накрыло прямо за прилавком, где она стояла шесть через сутки. Продавала элитные сыры. Швейцарский. Голландский. Российский на цельном молоке – для тех, кто понимал. Работа была сложная, товар дорогой, не

дай Бог отрежешь больше, а клиент не захочет брать, сама будешь давиться этими вонючими сырами. Но зарплата была более-менее, хватало на себя и на сына. И пока могла, Аношкина выдерживала тяжелый график, хотя и не видела сына неделями, только по вечерам. Но выбирать не приходилось – голод – не тетка. А она одна. Она да Гриша. Пока он поймет, как деньги матери доставались, чтоб он окончательно на беспризорника не стал похож. Эх! Сколько воды утечет...

Накрыло Аношкину до слез. И поняла она, что надо что-то делать прямо здесь и сейчас.

Прямо сегодня что-то решать. Так дальше продолжаться не может.

Она неумная, полжизни растратила не пойми на что, так Гришу такому же учит. Ведь он с нее пример берет! Она одна-единственная с ним живет, значит, чай, не с дяди чужого поведение копирует. Отца у Гриши отродясь не водилось. Тот как узнал, что отцом станет, – тут же и испарился в воздухе. Рассказать нечего. Отчимов Гриша не принимал. Почему, говорилось уже.

Надо было что-то решать. Но Аношкина была неумная. А в этом вопросе надо было б быть умной. Не для себя, раз нормальную жизнь устроить не смогла. Ради сына.

И первое, что пришло на неумный ум, спросить мудрого человека, как поступить в такой ситуации. Ведь умность от мудрости отличалась тем, что мудрый умеет применить знания и умности в жизни. Этого качества, как выяснила Анош-

кина, пока в ее жизни не хватало.

Единственным умным, кого Аношкина знала поблизости, был сторож Василий, который приходил на смену, как раз когда продавщица элитных сыров уходила. Много раз они перекидывались словами, и Вика поняла, что старик Василий умный. Коротко и ясно, по делу и с добром только умный человек мог говорить, при этом уважительно, неважно продавщица ты или директор. Не все покупатели Аношкиной относились к этой категории, хотя сыры стоили столько, что их могли позволить себе кушать только директора, по идее, умные люди.

Никто не знал про Гришу и его проблемы на рынке. Вика старалась не распространяться и не жаловаться подружкам по работе. Чему-чему, а этому алкаши-родители, точнее, отец и мачеха, спившиеся разом, научили ее: «зря голову не морочить ерундой другим людям».

Не зная, как правильно рассказать, Аношкина подошла к старику и по-простому попросила совета. Он внимательно ее выслушал, тем более, торопиться ему было некуда, он только заступал на ночную смену. И после продолжительного молчания сказал:

– Ты, Вика, хорошая мать. Только хорошая мать столько думает о своем ребенке. Просто и ребенок тебе достался что

надо! Ребус!

Аношкина прослезилась почему-то, хотя не понимала почему. Она и хорошая мать? Да никто, включая ее саму, никогда так не говорил и не думал. Она и хорошая мать? Да она дура неумная. Родила от какого-то хахаля в семнадцать лет, когда мозгов – кот наплакал. Еще после того столько абортів наделала. Целый школьный класс усадить можно было б. А куда их девать-то? Если она все на себе тянет, а все потому, что выбирает то хулиганов, то ловкачей, то лентяев. Неумная! Вон хоть бы за Ашота пошла, своего директора сырного. Умный, семь точек своих сырных, детей хочет. А она никак. Что-то не то, и все. Объяснить не может, вроде как и с виду ничего, не болтает зря, весь в работе, как и она с утра до ночи по семь дней в неделю. К ней уважительно очень. Но нет, сердцу не прикажешь...

Василий начал с того, что нужно найти хороший мужицкий пример парню. Оказалось, такового поблизости нет.

– Ну тогда... Я б на твоём месте... – почесал голову старик. – Пошел в полицию.

– Как в полицию? – аж присела Аношкина, которая сама-то побаивалась людей в форме, к тому же Гриша уже пару раз попадал на примету к участковому.

– Вот именно! Если гора не идет к Мухаммеду, то Мухаммед идет к горе. Не бойся. Иди и по-человечески, в но-

ги кланяясь, проси помощи. Опиши участковому ситуацию, что еще пара лет, и новый беспризорный, а еще хуже уголовник у него на шее камнем повиснет. И опиши таланты пацана. Пусть представит себе жизнь веселую с такими-то способностями подопечных подростков его района. Мало не покажется! И если человек – не гниль под ногами Божьими, а в последнее время поменялась сила, все-таки люди идут туда работать, поможет тебе. Придумает, какой аркан на твоего козленка накинуть, чтоб козел из него не вырос.

Аношкина второй раз прослезилась. Теперь от мудрого совета старика.

Но придя домой, закопавшись в делах, которые в последнее время будто устаканились, и Гриша спокойным ходила, стала Вика сомневаться в Василином совете. Даже старалась с работы по-быстрее уйти, чтоб на его глаза мудрые не попадаться. И хотя Василий даже носом в ее сторону не поводил, делал умильный как всегда вид, чувствовала Вика, что совет его, как меч над ее головой навис.

Так бы и не собралась, хотя хотела, хотя плакала от мудрости и верности шага этого. Но однажды придя домой, увидела на диване штук двадцать разных телефонов, в чехлах и без, дорогих и новых. Такие себе позволить Аношкины не могли. А тут двадцать штук!

Гриши не было.

Аношкина так и села на диван рядом с ворованным (или

отобранным?!). А потом пошла за своим телефоном и позвонила Ашоту, сообщая, что завтра не выйдет по очень срочным семейным обстоятельствам. Вечно молчаливый Ашот лишь спросил, что случилось. Аношкина не могла признать, тем более не зная всех деталей, которые могли оказаться лучше или хуже, чем она сама себе напредставляла.

Утром Вика уже стояла у дверей полиции и без ложной скромности, обычной ее привычки всего стесняться, стала проситься к участковому на прием.

Полицейский оказался молодым, что немного смутило Вику, ведь все мудрые обычно были старыми, а тут решалась судьба сына. Нужно было с большой серьезностью, с глубокой мудростью подойти к вопросу. Но просить другого полицейского язык у Вики не поворачивался. Она села и как на духу рассказала про все, только не упомянув вчерашние телефоны на домашнем диване.

– Аношкин Григорий, – повторил имя сына Вики участковый и пошел к шкафу, открыл его своим ключом и достал нужную папку. В папке хранился только один листок. Полицейский улыбнулся. Хороший знак. Еще не успел натворить многого.

– Вовремя пришли. Умный, правильный ход, – похвалил участковый. – Ну что ж! Попробуем из хулигана и, возможно, будущего преступника Гриши сделать будущего полицейского?! Небось, здоровье позволяет? Всем преступни-

кам, как назло, Бог здоровья отваливает с горкой! – сказал парень в форме, под которой проступали мускулы.

– Завтра я пойду в школу и освобожу вашего сына на 20 дней от учебы. Вы мне должны написать заявление, что согласны. И хотя это мне будет стоить личной головной боли, – полицейский не улыбался, – за которую я не получу ни копейки, а, скорее всего, по башке, если что не так выйдет, но ваш Гриня получит по самое «не балуйся» участковой жизни: от заполнения скучных бумажек до общения с алкашами, бомжами и даже трупами. Думаю, двадцать дней – небольшой срок, ничего страшного по школьной программе не пропустит? Нагонит?

– Он все равно не учится толком, – ответила Вика, одновременно заполняя заявление.

– Идите, все будет хорошо. Вы очень правильно сделали, что пришли. Вы хорошая мать, – вот уже во второй раз услышала похвалу Аношкина, но на этот раз не заплакала. На душе было легко и тяжело одновременно. Она чувствовала, будто предает сына. С другой стороны, раз она не может быть ему отцом, хорошим сильным примером, ремнем, кулаком, пусть хоть этот молодой человек побудет, как может. Молодой, а кремень, видно.

Участковый не соврал и на следующий же день пришел вместе с директором в класс Аношкина Григория освободить того от каторжной учебы. Участковый не соврал, преду-

предив Гришу, что это не шутка: он и в самом деле уже получал звоночки на его счет. И если тот не пройдет проверку, то начнутся приключения иного, более увеселительного характера. А какого? Антон Олегович продемонстрировал в тот же день, когда его срочно вызвали на понажовщину между пьяными супругами. Рядом стояла машина скорой помощи. Капли крови были на каждой ступеньке лестницы, начиная с первого по пятый этаж, по которым поднимались участковый Слонов и Аношкин Гриша. Гришу участковый чуть не забыл в машине, так как они приехали, как раз когда медбратья на носилках вытаскивали пьяных и окровавленных Велесовых. У женщины состояние было тяжелое, врачи так и кружили над ее каталкой.

Участковый быстро побежал наверх, чуть не забыв подопечного, щелкнув кнопками сигнализации авто. Но Гришу нельзя было забыть, он бы и из закрытой машины вылез посмотреть на Такое.

Дело пахло уголовщиной, если жена не выживет, это понимали все. И прежде чем приедут службы посерьезнее, участковый решил покараулить квартиру и посмотреть, что к чему в его районе, где он приступил к обязанностям полгода назад и еще знал не всех «артефактов», как он про себя выражался, думая про особо интересных персонажей, которые должны были прибавить пикантности его профессиональной деятельности.

Кровью залит был линолеум, Гриша старался идти по следам участкового, чтоб не навернуться на месиве, которое устроили каблуки врачей и соседей и пятки потерпевших. Войдя в двухкомнатную квартиру, уже пустую, Антон Олегович стал просто осматриваться, нехорошо глянув на появившегося в дверях Гришу, про которого начисто забыл и даже пожалел, что ввязался в эту подростковую историю по исправлению шалопаю.

Но ничего не сказав, стал по-прежнему смотреть по сторонам, будто от этого теперь что-то зависело. Опять пришли соседи, они заняли участкового своими возгласами и тот стал записывать их слова под диктовку. Оказалось, что самое страшное произошло только что, хотя ругань стояла всю ночь, падали вещи, бились стекла или посуда. Это было заметно по разнообразным осколкам, выпавшим из шкафа и растерзанным книгам.

Гришу что-то привлекло под столом, пока он тоже как вкопанный стоял на месте, развесив уши и внимая речам ошарашенных очевидцев.

– Котенок или мышка... – думал парень. – Или птичка забила от страха.

Что-то трепыхалось под круглым столом, но чтоб увидеть, надо было б лезть под него. Скатерть и тень от нее не давали рассмотреть получше.

Парень решился, опустил на коленки, стараясь не вляпаться в кровь или еще куда похуже, отдернул скатерть, пы-

таясь разглядеть и разгадать. Форма была неясная, нечто живое было слишком испугано, наверное, съежилось в комочек. Гриша был смелый, ему не было жалко пальца ради птички или кролика, перепуганных до ужаса, и протянул руку, чтоб схватить животное. Мгновенье, и он открыл кулак, в котором трепыхался, а может, ему просто казалось, что было движение, окровавленный женский палец.

Гриша окаменел от картинки, которую наблюдали его глаза, не в силах ни закричать, ни выкинуть находку. Палец все-таки дернулся, из красного обрубка вышла капля крови. Но и в этот момент Гриша не закричал, только поднял одуревшие глаза на участкового, который крикнул так, что Гриша поднялся и побежал вниз за скорой, будто от этого зависела вся его жизнь.

Слава Богу, кареты еще не отъехали, и парень вручил отрубленный палец взрослой женщине в белом халате, которая взяла палец щипцом и тут же оприходовала в какой-то ящик.

– Молодец, мальчик! – сказала тетя и занялась делами.

– Чтоб так отчекрыжить, надо ведь не ножом, да? – спросил он широкою белой спиной врачихи. Та обернулась, посмотрела на него очень внимательно и сказала:

– Никогда не пей водку, сынок, – с таким же серьезным видом вернулась к делам, теперь громко захлопнув за собой дверь.

– Это ж обычным кухонным ножом не отрежешь, да? –

спросил Гриша Антона Олеговича.

– Да, применялся топор, как раз в момент, когда соседи уже вызвали полицию, – сел за руль участковый, выезжая по другому звонку. Здесь уже работали другие профессионалы.

«Конечно, – размышлял Гриша, – тут только резак или топором», – представляя себе картину или, точнее сказать, совсем не представляя, в какому умате надо быть, чтоб отрубить жене палец.

Водку Гриша и друзья пробовали, но не пили. Лично Грине не шло. Во-первых, горькая, во-вторых, уносит, чувствуешь себя зомби, язык не вяжет, в голове туман, ноги не слушаются. Другое дело, пиво. Пиво хоть горькое, но вкусное. Нравилось Грине пиво, особенно когда пенка горло щекотала. И не таким пьяным домой заваливаешься, можно и в школу ко второму-третьему уроку успеть. Хотя нафига? Когда вот жизнь! Вот какие дела ворочаются!

– А сколько баллов на ЕГЭ надо, чтоб на участкового, а лучше криминалиста потом пойти? – спросил Гриша, когда они остановились у подъезда какой-то салатовой новозажки.

Антон Олегович не понял вопроса, был занят какими-то другими мыслями. И хлопая пушистыми ресницами, уставился в папку, вычитывая еще раз повод, по которому была сделана заявка.

Он так и не ответил, но разрешил парню сопровождать.

На 11-ом этаже жила пара с двумя детьми. Они все дружно уселись на кухне и даже приготовили чай для участкового и подопечного, будто ждали тех с утра, а не в полдень. Все бы ничего, хорошая такая семейная обстановка, но у молодой жены под глазом ярчел синячище, от которого Грине никак не удавалось отвести взгляд. Только другие синяки на женской розовой коже – на запястьях, на предплечье тоже привлекали внимание. Виднелась огромная ссадина на шее, выглядывавшая из-под симпатичного халатика.

– Звонок поступил от соседей, – тяжело вздохнул участковый после того, как представился и представились сами хозяева. – Женский и детские крики. Удары. Грохот мебели. Опять крики, – читал с листка Антон Олегович. Он опять тяжело вздохнул, печально глядя на молчаливых людей. – Заявление писать будем?

Ответила женщина:

– Нет. У нас все хорошо.

Гриша еще раз посмотрел на синяк и вспомнил свой, который у него получился от столкновения с разными предметами, когда его Виталик, бугай из 11-го, по асфальту катал за одно неприятное слово, брошенное по делу, между прочим. Слава Богу, обошлось без переломов, но синяки были похожие. Гриша стал грызть ноготь почему-то. Дурная привычка, он знал. Но не мог сдержаться в этом гнусном молчании, потонувшем в нетронутом остывшем чае.

Заявление писать не стали. Но Антон Олегович своей волей, которой пришлось показаться в специальном документе несколько раз в глаза разгневанному мужу, отвел в сторонку женщину в синяках и объяснил ей ее права. И после этого заявление все же не понадобилось.

– Хозяин-барин, – так и сказал участковый, сомкнув розовые губы в тоненькую малиновую полосочку.

– Скотская жизнь! – плюнул на асфальт Гриша, когда они вышли из ненавистой обстановки душегубства.

– У нее выхода нет, – зачем-то прокомментировал слова мальчишки участковый, направляясь к машине. – Кто их кормить станет? Небось, ипотеку взяли на новостройку. – Он высоко задрал голову, глядя в небо.

– Моя б мамка никогда такое не допустила б. Работала б неделями, голодали, но чтоб какой-то ... – выругался пацан, – стал ее или меня щупать своими щупальцами.

Антон хотел дать пацану подзатыльник, за то, что в его присутствии нецензурно выразился, но потом передумал.

– Мамка твоя и голодает. Небось, все, что зарабатывает, на тебя одного уходит, а ты... в унитаз это спускаешь. – Антон Олегович Слонов выдержал взгляд, от которого сыпали опасные искры. – Да мне все равно, как ты живешь, успокойся. Когда сядешь – ей легче будет. Только передачи, сигареты, носки да на телефон бросить.

И спокойно завел машину. Парень стоял, не двигаясь,

ожидая то ли извинений, то ли приглашений. Участковый нацепил ремень, поправил зеркальце и хотел уже поехать по другому звонку, но Аношкин успел заскочить в авто. Искры больше не сыпали.

Был обед. По нормативу на кормление шпаны не выделялись средства, но участковый был вынужден пригласить Аношкина, тем самым подтвердив статус официального подопечного и немного помощника.

– А у вас каждый день так вот? – спросил парень, поглощая борщ.

– Нет. Скоро вот хочу тебя заставить все данные впечатать в комп, пока я отдохну.

И еще пару звонков осталось проверить, но они бескровные... Хотя...

«Хотя» оказалось крайне неприятным походом к соседям, которые вот уже несколько месяцев жаловались на переселенную к ним из ниоткуда бомжиху с двумя десятками собак, вывших и днем, и ночью, и плодившихся с невероятной скоростью. Запах от такой активной собачьей жизни стоял за километр. Антон Олегович уже был по этому адресу, но шли суды, и сделать пока что было ничего нельзя. Только наделенные полномочиями приставы могли нарушить «бардак» в 23 квартире, и освободить жильцов на Скворцовой от ужаса бомжатника.

На звонок в дверь через какое-то время вышла женщина. Точнее, еле выглянула из-за двери, ибо открывать побо-
ялась, иначе псы повалили б участкового.

Вид у женщины был адекватней, чем в последнюю встре-
чу, отметил про себя Антон Олегович.

– Жалуются, – просто сказал он.

– А что я могу? – каким-то неженским и немужским го-
лосом проговорила тетя. – Ну куда я их дену? И сама куда
денусь? Сын мой мою квартиру трехкомнатную, вот этими
руками заработанную, пропил. Сам в тюрьму попал. Меня
сюда гнить сбагрил. Ну куда я пойду? Кому я нужна? А им
нужна, – она посмотрела вниз, десятки лап хотели прорвать-
ся сквозь щель.

Лай стоял страшный.

– Вы ж хоть выгуливайте их. Они ж антисанитарную об-
становку создают, – опять без злости проговорил участко-
вый. – Некоторых в приют можно отдать. Им там найдут хо-
роший дом. А любимых парочку оставьте.

– Да мне осталось-то... Четвертая у меня стадия. Куда я
выгуливать? – усмехнулась тетя и поглядела на Аношкина.

Гриша запомнил ее глаза, они были добрые и прозрачные.

День еще не закончился, а рабочий, слава Богу, да. Анош-
кин не знал, как вернуться домой, не знал, как оторваться от
участкового. И вместе перекусив пирожками в кавказском

кафе, опять за счет Антона Олеговича, Аношкин напросился-таки в гости.

– Я домой только переодеться, а потом в спортзал. Отдышаться от того, что видел, – стал оправдываться Антон Олегович, видя, что подросток прикипел к нему, но сужение дистанции, приглашение в гости пока что были преждевременны. Аношкин был согласен и на ожидание переодевания на лавочке у подъезда, и на посещение спортклуба в том, в чем был.

Пока переодевался Антон Олегович, в голове прикидывал, во сколько ему встанет эксперимент со шпаной: еда, напитки, спортзал, дополнительное. Выходило не шибко, но нормально.

Спрашивать с матери, работающей на местном крытом рынке, у Антона рука не поднималась, а вообще, хорошо бы поднялась. Потому как если еще к нему приставят парочку таких гаденышей, то никакой зарплаты не хватит их выкормить. Только одни мнимые плюсики к карме.

С другой стороны, можно было б у начальства выбить пару талонов в столовую, да и спортзал 100 процентов разрешит пацана бесплатно пригласить.

– Ладно, пойдем. Только там одни мужики, – сказал участковый.

– Менты что ль? – не понял пацан.

– Менты-менты, ничего против не имеешь?

Парень скривил губы, не зная, как лучше выразить свою

неясную позицию по этому поводу. Вроде менты – это зло, с другой стороны, какого зла он насмотрелся сегодня, зло на зло хорошо множится.

– А что там гири или боксерку чистите? – все расспрашивал пацан, будто это не он напросился, а его уговаривали туда пойти.

Аношкина увидела сына поздно вечером, тот пришел молчаливый и уставший. Она не стала его расспрашивать, боясь задавать вопросы. Вдруг все не по плану?!

– Нормально все, – сам кинул сын, еле держа голову на плечах, и сразу завалился спать, даже не поужинав.

Вика удивилась. Гриша всегда ужинал, целый день носился где-то, ел какие-то бутерброды или всякое из ближайших чебуречных и прочих дешевых заведений, на что хватало карманных денег. А тут даже не спросил: что поесть, есть ли мясо-колбаса-сосиски? Очень уж не любил, когда пустые без мяса суп или второе. Всегда злился, мол, мы что нищета, без мяса борщ есть?

– Ну ладно, останется на завтра, – думала Вика.

Но тут мысли Аношкиной переключились на другое – на Ашота, который встретил ее у выхода из полиции и усадил в свою дорогую машину, повез в кафе брата расспрашивать, что случилось. Главное, как догадался, что случилось серьезное и что она отпросилась, чтоб пойти к участковому? Точно к другим продавщицам подходил и к Василию, а потом

докумекал сам.

Она все ему рассказала, немного поплакала между слов. Он вместо утешений зачем-то предложил ей другой график, два через два, чтоб она побольше бывала дома, видела сына, ухаживала за ним. Вика так и ахнула! Никогда-никому даже близко Ашот не давал поблажек, а тут такая роскошь – график два через два.

– И зарплату хочу поднять, – сказал Ашот. Вика потеряла дар речи, ожидая после такого только кольцо и предложение о замужестве. Собственно, Ашот и намекнул на то, но Вика промолчала, сделав вид, что не поняла намека.

Надо было обдумать. Ашот был суров, но справедлив, в отличие от его братьев. Может, только из-за этого Вика и осталась работать на рынке. Если по началу были какие-то приставания на ее счет, помимо ожидания честной торговли, то Ашот видимо их обрубал от братьев и других заходивших повидаться друзей.

С тех пор Вике работалось тяжело, но спокойно.

Она – единственная, кто вот уже год работал и не соби-рался уходить. Хотя другие продавцы на других точках: мясных, специй, овощей-фруктов – менялись, как перчатки.

С другой стороны, любовь. Ее не купишь ни деньгами, ни подарками, ни графиком. Но какая любовь, когда она уже наелась этой любви по самые уши! Хоть до пенсии не сходишь ни с кем! Да и Грише только хуже от этих ухажеров.

Но Ашот отличался и не только от братьев, но и других ухажеров. Какой-то молчаливый, угрюмый даже...

– Наверное, просто стеснительный, – рассуждала Вика, вспоминая себя в ответственные моменты, когда тоже накачивала непреодолимая молчаливость, именно поэтому она всегда выбирала мужиков-говорунов и балагуров.

Вика вдруг подумала о главном, а стал бы Ашот Грише хорошим отчимом? – Стал бы, – отозвалось сердце. Ашот, пусть и младший брат в семье, а самый успешный: держал бизнес крепко и только расширялся и расширялся. Просто так персоналом не раскидывался, но и поблажек не давал. Грише такой только и нужен.

Все-таки умная она, Вика Аношкина. Во-первых, правильно угадала к Василию обратиться. Потом Бог этого молодца в погонах послал. Он упадет Гришу, и тот или бросит баловаться, или точно убедится самому участковым заделаться в свое время. А что, Грише бы пошло: от такого не то что шпана и шалопаи сломаются, криминал весь на дыбы встанет. Вика бы гордилась и собой, и сыном.

Собой, за то что смогла сына на правильный путь наставить, несмотря на то, что сама прожила непутево. За сына, что пользу людям принесет, чтоб побольше справедливости было и легче стало жить, таким, как она.

Гриша своего добьется, не хуже, чем вот этот участковый станет.

А Ашота, его в принципе можно полюбить.

– Хотя бы дать шанс, а там посмотрим... – думала Вика Аношкина, засыпая на своих руках, прямо сидя у теплого еще ужина с мясом. Слава Богу, завтра тоже был выходной.